

КЛОНАЛЪ

ШаМаШ
БраМиН

16+

ШаМаШ БраМиН

Клональ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

БраМиН Ш.

Клональ / Ш. БраМиН — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Медовый месяц – что может быть слаще. Даже если это время, проведенное на затерянном в северной Атлантике острове. Разве это ложка дегтя? Нет. Ни странное поведение островитян, ни подозрительность местного шерифа, ни даже призрак и «живая» плесень, захвативший гостиничный номер. Ничто не может испортить отпуск рядом с любимым человеком. Настоящие неприятности начинаются, когда глава новоиспеченной семьи натывается на труп неизвестной девушки, а молодая супруга неожиданно исчезает. К тому же полиция обвиняет гостя в наркотрафике. Предстоит нелегкий выбор – покинуть остров добровольно, оставив любимую в клубке неразгаданных тайн, или быть арестованным.

Содержание

1.	5
2.	10
3.	16
4.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

1.

Паром шел своим курсом. Нос судна целеустремленно разрезал холодную воду Северной Атлантики. И слева, и справа громоздились обнаженные шхеры, равнодушные к пронизывающему соленому ветру, к жадному до тепла солнцу, к скулящим стаям чаек. Отсюда, с верхней палубы, еще можно было разглядеть очертания покинутой полчаса назад каменной глыбы Ньюфаундленда. Резкий порыв северного ветра снова заставил меня вздрогнуть: «Какого черта, я здесь делаю?» – выругался я в тысячный раз за последние сутки. Застегнув под горло молнию ветровки, рука инстинктивно потянулась в боковой карман за сигаретой. «Успею, пока не вернулась». Закинул в рот ядовитую палочку, повернулся спиной к ветру. Чиркнул зажигалкой. Осечка. Снова. Снова осечка.

– Тут не курят, – произнес голос за спиной.

Я оглянулся. На длинной деревянной лавке, расположенной вдоль борта, сидел мужчина. Созерцая собственное раздражение и остров на горизонте, я не заметил, как один из пассажиров поднялся на верхнюю палубу.

– Признаться, я бы и сам закурил, – добродушно продолжил он, пристально вглядываясь в мое лицо.

– В чем проблема? – спросил я, очередной раз, чиркая зажигалкой. Пламя на миг вспыхнуло, но злой ветер тут же огонек погасил. – Угостить?

Я протянул незнакомцу пачку.

– Спасибо, – поблагодарил он, но угощаться не спешил, с отчаянным сожалением глядя на пачку. – Вы иностранец? Откуда вы?

– Так сильно заметно? – ответил я вопросом на вопрос.

– Да, – признался мужчина. – У нас в Канаде принято соблюдать законы.

Он кивком указал на табличку с перечеркнутой сигаретой. Так и не закурив, я убрал сигареты в карман.

– Извините.

– Что вы? – улыбнулся незнакомец. – Извинятся пока не за что. Вы же так и не зажгли сигарету.

– Ну, я был готов это сделать, – сказал я, отворачиваясь к борту. – Дурацкая привычка.

– Вы тоже попробуйте бросить? – спросил он, продолжая широко улыбаться.

– Тоже, – подтвердил я. – Моя девушка ... моя жена настаивает. И правильно, я думаю.

– А, – вставал незнакомец, демонстрируя свои белоснежные, ровные зубы. – Вы молодожены? Я так и думал. А ваша молодая супруга, та прелестная девушка с камерой.

Он указал на корму. Я кивнул, подтверждая его догадку.

Молодой человек имел вид офисного клерка, одетого по местной моде. Дутая синяя куртка, из-под которой виднелась темно коричневая рубашка и строгий фиолетовый галстук. Открытое, скуластое лицо с продолговатыми цепкими глазами, ровный нос и тонкие губы. Гладко выбритые щеки казались немного впалыми. Головного убора на нем не было, и ветер уже успел изрядно растрепать тщательно уложенные в боковой пробор волосы. В том, что мы ровесники, сомнений не было. Ему явно не больше тридцати.

– Митч Батлер, – мужчина протянул руку.

– Анджо Семак, – я пожал его крепкую ладонь.

– Туристы? – поинтересовался Митч. – Медовый месяц?

– Да, – ответил я, раздраженнее, чем допускают приличия. Подлог жены снова заколол меня своей обидой. – Для меня да, для супруги и да, и нет.

Мужчина снова засмеялся:

– Первая ссора? Вот поэтому я холостяк.

Я не нашел что ответить. Повисла неловкая пауза, которую можно было расценить как нечаянную обиду. Напрашивалась необходимость сменить тему.

– Еще раз извините за сигарету, – сказал я. – Поверьте, я не хотел вас ...

– Забудь, – махнул он рукой. – Я второй год пытаюсь бросить. Но все равно, срываюсь, время от времени. Пять минут назад ты меня чуть не искусил.

– Поверьте, мистер Батлер, я не нарочно.

– Митч, просто Митч, – сказал он и снова протянул мне руку.

– Дрю, – я повторно ответил на рукопожатье.

– Красиво, – задумчиво сказал он через минуту.

– Да? – я передернулся. – Холод собачий. На самом деле сейчас мы должны были распаковывать чемоданы в Майами.

– Можно спросить? Что произошло? – деликатно поинтересовался Митч, повернувшись спиной к борту и упершись в широченный леер.

Я взглянул на него, пытаясь оценить степень заинтересованности. Условный индикатор болтался между показателем «Не интересно» и «Со скуки поддерживаю разговор».

«В конце концов, надо это из себя вывалить» – подумал я, и начал:

– Ехать в Майами было совместным решением. Хотя она и предлагала это, – поворотом головы я указал на окружающий пейзаж, – но, не настаивала. Если бы настояла, мы бы дома поругались и ... бог знает, чем бы все закончилось. По крайней мере, это было бы честно.

Я снова извлек пачку сигарет, посмотрел на нее и вернул в карман.

– Пересадка в Торонто на ее совести. Мне, признаться, было не по себе. Свадьба, мальчишник. И в самолете немного перебрал. В общем, очнулся, когда стюардесса объявила посадку в Гандере. Какой Гандер? А, она мне: «Дорогой, все в порядке! Обещаю, будет классно. Прости».

Я замолчал, уставившись в красоты за бортом. Собеседник почувствовал, что меня необходимо подбодрить:

– Уверен, она хотела как лучше ...

– Лучше для кого? – перебил я его.

Он не успел ответить. К нам подошла она – моя очаровательна обманщица.

– Еще дуешься? – она шуточно хлопнула меня по плечу своим кулачком, имитируя замедленный апперкот боксера. – Посмотри, какая красота! Уууу!

Вероника издала протяжный, высокий вопль, который приглушенно повис в окружающих нас тяжелых пределах океанского холода.

То ли услышав ее клич, то ли приветствуя знакомого кита, капитан парома дал один длинный, и три коротких гудка.

– Мэм, вам его не перекричать, – Митч улыбнулся.

Супруга вопросительно на него посмотрела. Я поклялся больше никогда с ней не разговаривать, но тут такие обстоятельства.

– Дорогая, это Митч Батлер. Митч, это Вероника, – сказав я, и демонстративно отвернулся.

Краем глаза заметил, они пожали друг другу руки.

– Я с вами полностью согласен, Вероника. Такой красоты нигде больше нет, – продолжил Батлер. – Суровая, холодная, не ласковая, но красота. Вообще, считаю не правильным охарактеризовывать красоту. Она либо есть, либо ее нет.

– Пожалуй, да, – ответила супруга. – Местные привыкают к этой красоте. Для вас это просто дом.

– О, нет, мэм, – Митч замахал руками, – я не ньюфи. Я из Оттавы.

– Столичный фронт? – Вероника звонко засмеялась. – И что вы делаете на краю земли?

– Я агент КККП, – заметив наши вопросительные взгляды, Митч пояснил, – национальный отдел канадской королевской полиции. Звучит пафосно, знаю. Для вас, американцев, это аналог ФБР.

– Мы не ..., – начал, было, я оправдываться, но Вероника меня перебила, отвлекшись от пролистывания недавно сделанных кадров на камере.

Фотоаппарат стал моим свадебным подарком. Учитывая полный комплект разнообразных профессиональных объективов, фильтров, линз, штативов и прочего, неизвестного мне оборудования, он обошелся в целое состояние. Внушительная сумка, в которой все это хранилось, напоминала саквояж средневекового врача. Или палача. Но оно того стоило. Вероника до сих пор пребывала в восторге, и ни на секунду не выпускала камеру из рук.

– Скажите, а правда, что полиция в Канаде до сих пор называется конной?

– Да. Это дань традиции, – коротко ответил мужчина.

Было заметно, развивать эту тему ему не хотелось. Причина очевидна, шутки про канадскую полицию на лошадях обросли длинной, косматой бородой. Признаться, я с трудом сдержался от желания поделиться анекдотом об участии двух канадских полицейских кляч и белки-летуны в антитеррористической операции.

– А вы, мэм? – сменил уязвимую тему Митч. – Признаться, северный остров странное место для медового месяца.

Он сочувственно, как бы извиняясь, посмотрел на меня. «Похоже, – успел я подумать, – Батлер не плохой парень!»

– О, – охотно начала Вероника. – Как раз в этом ничего странного. Мы, – она посмотрела на меня, и, на секунду высунутым языком оценив мое выражение обидчивой высокомерности, продолжила. – Мы решили совместить приятное с полезным. Дело в том, что я журналист, фоторепортер. Правда, начинающий. Неделю назад мне поступило предложение от Нэйшнл Джео на серию иллюстраций к статье о тупиках. Это северные птички, с таким необычным тупым клювиком, – Вероника провела ладонью перед лицом. Жест должен был наглядно обозначить степень тупости птичьего клюва. – Сами понимаете, издание серьезное, для портфолио – просто подарок. А сроки сжаты.

– Вероника, – не выдержал я, – мы это обсуждали. Твоя карьера важна, не спорю. Но замуж ты не каждый год выходишь? Или я для тебя временное явление?

– Перестань, бублик, – ласково начала она, примирительно поправив на мне ворот куртки.

Энергия из нее так и била. От открывающихся красот и перспектив, от предвкушения любимой работы, от недавнего замужества и бог знает от чего еще, она светилась. Видя это счастье, я забывал об нелепых обидах. Действительно, какая разница в Майами или Ньюфи, в тропиках или Арктике, главное, что рядом с ней. Да, черт подери, я ее люблю. Сильно, очень сильно. И готов простить ей все. Вы скажите тряпка? Наверно. Да ну и что? Главное чтобы моя косуля вот так, как сейчас, светилась от счастья.

Ее от природы стержневая женская интуиция безошибочно обнаружила мои смятения. Ника сладко улыбнулась и чмокнула меня в щеку. Затем, как ни в чем не бывало, продолжила про своих птичек:

– Во время охоты тупики плавают под водой, вот так, с помощью крыльев, – она запорхала руками и побежала по палубе, имитируя подводный полет северной птички, – а ноги они используют как руль. Плавают быстро, и могут достигать больших глубин. Дыхание на минуту задерживают. – Вероника надула щеки, наполнив их воздухом. Через несколько секунд выдохнула, и продолжила свой рассказ. – Обычно, тупики съедают, пойманных рыбок, не выныривая. Но в здешних водах добыча слишком крупная для них. Редакторы Нэйшнл хотят фото едящих Фратеркула Арктика – тупик по латыни. Вот.

Устало выдохнув, Вероника закончила свой энергичный рассказ. Затем отдышалась, поправила на голове легкую вязаную шапочку и обняла меня за талию. Во время ее рассказа Митч не переставал улыбаться. А когда она, надув щеки, пародировала ныряние тупика, громко захохотал. Да, непосредственность Вероники очарует кого угодно. Я всегда говорил, она актриса, но слишком умна для настоящей карьеры на этом поприще. Признаться, я тоже не выдержал и улыбнулся, увидев ее надутые, в еле заметных веснушках, щеки и подчеркнuto серьезное выражение глаз, важной, напыщенной птицы.

– Bravo, – продолжая хохотать, захлопал в ладоши Батлер. – Я ни разу в жизни не видел тупика, но теперь увидев, без сомнений узнаю.

– Классно, – ответила Вероника, и повернула ко мне свое веселое лицо. – А ты, бублик, узнаешь?

Я изо всех сил старался удержать серьезную мину. Но, когда она снова надула щеки и округлила глаза, я не выдержал и расхохотался.

– Боюсь, теперь в каждой птички буду узнавать тебя.

– Кофе? – спросил Митч, когда мы немного успокоились. – За такую лекцию я просто обязан предложить.

Не ожидаясь ответа, он спустился палубой ниже, где еще во время погрузки я заметил кофе аппарат. Как только его силуэт исчез, Вероника сказала:

– Правда, милый. Прости меня. Для меня это очень важно.

Она сказала это по-русски. Вместо ответа я ее поцеловал и прижалась к себе. Северный ветер продолжал обдувать нас со всех сторон, а холодные, такие же, как и все кругом, солнечные лучи бегали по лицам. Так мы простояли минуту, пока капитан снова не погудел. С верхней палубы, на которой мы стояли, была видна его рубка. В широком капитанском иллюминаторе я увидел суровое, продутое всеми ветрами лицо. Он улыбался, и приветливо помахал рукой. Я помахал в ответ, и шепнул по-русски в бесценное ушко, спрятанное под красную вязаную шапочку:

– Я тебя люблю!

– Стоп, – она меня оттолкнула. Погрозила пальчиком и промурлыкала, – Говорить только по-английски. С тебя шоколадка.

– Фак, – выругался я. Действительно. Я и забыл о нашем шуточном споре, – погоди. Ты первая начала.

– Не считается, – сразу выпалила она, – во-первых, шепотом, во-вторых я девочка.

Оба аргумента железобетонные. Я улыбнулся и снова ее обнял.

В дверях появился Митч, обнимая ладонями три картонных стаканчика.

– Я подумал, мы все пьем кофе по-американски, – сказал он, устраивая стаканчики на сидение.

– Спасибо, – поблагодарил я.

Действительно, кофе был как нельзя кстати.

– А чем ты занимаешься, Дрю? – спросил Батлер, опив глоток.

– Я финансовый аналитик. Банально. Но мне нравится моя работа.

Мы стояли, прислонившись к борту. Вероника ковырялась в своей огромной, дорогушей камере.

– Ребята! – крикнула она. – Сейчас вылетит птичка.

Щелкнул затвор фотоаппарата. Наши с Митчем физиономии на фоне проплывающих мимо шхер, остались в силиконовой памяти цифры.

– Будущее прячется в прошлом, а между ними тонкая граница – настоящее. Анализируя прошлое можно увидеть реальный рубеж настоящего. И предугадать будущее. Это можно сделать только сейчас, в этот момент, – меня понесло. О своей профессии могу говорить часами.

– Да? – спросил Митч. – И какие ближайшие прогнозы по финансам?

– Ничего хорошего. Парни с Уолл-Стрит, как всегда, отымеют пять шестых всего человечества.

Мы засмеялись.

– А ты? – спросил я Батлера. – Или служба это секрет?

Вместо ответа Митч улыбнулся, отпил кофе. Потом, лицо его сделалось серьезным, и, он сказал, пристально глядя в глаза:

– Будь внимательным, и береги ее. Я не хочу, чтобы на острове с вами что-то случилось.

Я попытался отшутиться:

– А что с нами может случиться на острове с какой-то тысячей обитателей? Тем более под охраной королевской конной полиции.

Но Батлеру весело не было.

– От острова до Ньюфаундленда 15 миль ледяной Атлантики, а до материка вообще... – он попытался в уме подсчитать, но оставил эту затею. – В случае беды, на помощь рассчитывать не стоит. Только на себя.

– Ребята! – окликнула нас Вероника.

Тут же затрещал затвор камеры.

2.

Оставшийся путь до унылого причала на острове Фога меня тревожили недобрые предчувствия. Из головы не выходили предостережения агента. «Может это издержки профессий? – думал я. – Его профессия преувеличивать опасность, моя – анализировать». Разрозненные крупницы информации всегда можно сложить в ясную картину. Но, в отличие от игрушечных пазл, жизнь дает универсальные исходники, из которых возможно собрать что угодно. Зачастую получившееся полотно не имеет ничего общего с реальностью. Иногда искаженно целенаправленно. Я сам так часто делаю, когда это выгодно конторе. В этом конкретном случае с путешествием на остров, мне некого обманывать, кроме самого себя. Отбросив эмоции, предвзятость и банальное беспокойство, которая могло оказаться умышленно навязанным, я выделил два момента.

Во-первых, об острове Фога реально мало информации. Сидя в аэропорту Гандера, как гусь пыжась от обиды, раздраженно ожидая, пока Вероника получит багаж и оформит прокат авто, я заглянул в сеть. Кроме данных о площади, населении, плотности и прочей муры, да парочки статей из разряда «А знаете ли вы?» – ничего. Ни упоминаний в новостях, ни ссылок на место и обстоятельства. Ни громких преступлений, катастроф, скандалов. Ничего. Ньюфаундленд сам по себе не просто край земли, а отдаленная провинция конца географии. А остров Фога последняя грань земного шара, где, судя по всему, вообще ничего не происходит. Странно. Ведь на планете не осталось мест, которых обошла стороной «всемирная паутина». В нете пишут все и обо всем, по причине и без. Зачастую надуманные поводы для веб-публикации не ценнее возни в процессе высасывании воздуха из пальца. А тут ничего. Прямо бойкот. На онлайн картах, в спутниковом режиме отсутствует изображения доброй половины острова. Вместо картинок с фьордами, озерами, пересеченного пейзажа с высоты птичьего полета, экран планшета показывал мозаику пикселей. Сначала я списал это на плохую связь. Но несколько перезагрузок так и не дали четких картинок. Их просто не оказалось. Для Канады, позиционирующей себя как эпицентр прогресса на службе обывателей, это могло показаться как минимум странным. Даже сейчас, взглядывая в, на первый взгляд, гладкое плато, возвышающегося над беспокойной поверхностью океана, противоречия материализовывались. Остров представлял собой огромную скалу. Обманчиво ровная поверхность оказалась густо утыканной серыми и острыми валунами. Среди них, кое-где проступала редкая зелень, по большей части мох. Но при резких порывах ветра зелень приходила в движение. Именно по колыханию можно было определить, что это на самом деле трава, какой-то северный, холодоустойчивый сорт. В реальности остров выглядел намного мрачнее, чем на редких фотографиях из интернета. Может это была истиной причиной информационного бойкота?

Во-вторых, болтливый полицейский. И не просто полицейский, а федеральный агент. С чего вдруг такая забота? Нет, без сомнений, Митч Батлер хороший парень и наверняка неплохой агент. Но откровение представителя спецслужб, да еще с случайными, мало знакомыми людьми, непростительна для карьеры. В конце концов, существует понятие тайны. Хотя ничего такого он мне и не рассказал. Важен сам факт.

Итак, увязав ауру некой загадочности, или точнее информационный заслон острова Фога, и прибытие агента полиции, можно сделать простой вывод: здесь что-то произошло. Очевидное умозаключение генерирует вопрос пока не имеющий ответа: что именно произошло? Впрочем, не надо исключать и вероятность спекулятивной лжи: Митч просто съехавший с рельс псих, пытающийся преувеличить свою значимость в этом безумном мире. Документы мы у него не проверяли.

Но последнее предположение вскоре пришлось удалить из списка версий. Стоило парому встать к терминалу острова, как на причал выехал полицейский джип. Из него вышел крупно-

лицый пузан в синей полицейской куртке с нашивками и в нелепой для этих ветров шляпе. Он пожал агенту Батлеру руку, перехватил у него небольшую спортивную сумку и понес ее к машине. Тем временем Митч помахал нам, указывая на парковку у причала.

Вероника аккуратно выкатила арендованную Тойоту с борта парома на покрытый трещинами бетонный причал. Батлер ждал нас на парковке, у полицейского джипа.

– Привет, ребята!

– Да, сэр, – сказала Вероника притворным басом, приложила ладонь ко лбу, и резко взмахнула ей вверх. В ее представлении именно так военные отдавали честь.

Митч улыбнулся.

– Вы в какой гостинице остановились? Может, как-то вечером встретимся, пропустим по стаканчику? Если я вам не надоел.

– Нет, сэр. Как скажите, сэр! – продолжала паясничать супруга тем же притворным басом. – Мы расквартировались в таверне «Усталая пушка», сэр. Говорят, там отличные конюшни для полицейских лошадей, сэр.

Шутка на грани фола, но Батлер рассмеялся, веселым, немного натянутым смехом. Остроты о конной полиции наверняка его достали.

– Отличный выбор, – произнес он, немного успокоившись.

Вероника поманила его пальцем. Агент наклонился над водительской дверцей. Вероника, покосившись на меня, заговорила громким, заговорческим шепотом:

– Надеюсь, сэр, «Усталая пушка» это не про моего мужа.

Батлер взорвался от смеха. На этот раз искренним. Если бы не джип за спиной, он бы наверняка повалился в конвульсиях на асфальт.

– Я все слышу, – запротестовал я.

– Извини, Дрю, – пересиливая хохот, вставил Митч, – я не смог удержаться. Мэм, – продолжил он, не без усилий придав лицу серьезное выражение, – любая пушка, это боевая единица. Она не может устать, при условии правильной эксплуатации.

– Уверяю вас, сэр, это в моих интересах, – отсалютовала Вероника и тронула автомобиль. Тойота послушно поехала по грунтовой дороге.

Огромная туча наглухо закупирила солнечный диск. Общаясь с Митчем, мы сразу и не заметили, как стало темно. Казалось вот-вот и начнется холодный дождь. Выехав на холм, с удивлением обнаружили, грозная туча, далеко в океане, а потемнело только потому, что жадное до тепла солнце уже касалось кромки горизонта. На севере вечера короткие.

– Может, я сяду за руль? – предложил я жене. – Ты наверно устала?

– Нет. Я справлюсь. Ты пока отдыхай. Ночью у меня на тебя большие планы, – она посмотрела на меня и хитро улыбнулась.

Азартные, жизнерадостные глаза Ники, серые как закат в Арктике, светились огоньками святого Эльма. Такие же загадочные и такие же притягательные. Как же я ее люблю!

Гостиница, которую выбрала Вероника, на самом деле называлась «Тихая пушка».

– Просто для медового месяца «Усталая» звучит смешнее, – равнодушно оправдалась она.

По мне, ошибка в название была в другом слове. Из этого словосочетания, следовало бы убрать слово «Гостиница». Деревянное двухэтажное строение с редкими окнами и крутой, двухскатной крышей, покрашенной в ядовито желтый цвет. В то время как фасад оставался ветхо серым. Единственное преимущество, это великолепный пейзаж. Здание, если можно было его так назвать, находилось на невысоком утесе у самого берега залива, на южной стороне острова. Дощатая тропа уходила от парковки со стороны входа прямо вниз по утесу, к ангару и небольшому пирсу. Выглядело это живописно, достойно кисти художника.

У входа стояли два автомобиля. Новенький пикап – грузовичок от Форда, и усталый Шевроле Экспресс. На белом борту буса красовалась нанесенная строгим газетным шрифтом яркая

надписью «Телекоммуникационные системы Клональ». Ох, если бы я тогда уделил должное внимание этому названию!

– Добрый вечер! – поздоровалась с нами не молодая, ухоженная женщина.

Редкие волосы, выкрашенные временем в седой цвет с голубоватым оттенком, явно не соответствовал ее возрасту. Неглубокие морщинки успели прорыть гладкую кожу лица только вокруг губ и у голубых потухших глаз. Впрочем, еле заметный макияж вполне мог скрывать истинные последствия прожитого. А ослепительно белая улыбка даже очаровывала своей непосредственностью. Так или иначе, если бы не седина, женщине можно было дать не больше сорока пяти. На коричневой в синюю клетку рубашке висел бейдж – Миссис Хелена Брюнвик – рецепционер.

– Добрый вечер, Хелена, – ответил я, мельком взглянув на нагрудный знак.

Вероника осталась снаружи. Как всегда, ковырялась с камерой, пытаясь увековечить угрюмый полярный закат. Заинтригованный ночными планами молодой супруги, я взял заселение на себя.

– У нас заказан номер в вашей гостинице. Номер брони ... – я стал разворачивать распечатку сайта.

– Не утруждайтесь, – дружелюбно сказала женщина. – Вы должно быть мистер и миссис Семак.

– Точно, – улыбнулся я в ответ.

– Добро пожаловать, – услышал я за спиной звонкий, писклявый голос.

Обернувшись, обнаружил, его обладательницу: невысокая, круглолицая афроамериканка. Женщина улыбалась во все тридцать два ослепительно белых зуба.

– Я, Джейн Питерс, – она протянула мне руку. – Рада вас видеть на нашем острове. Как добрались?

Мой немного растерянный взгляд вернулся к рецепционерке. Продолжая улыбаться, она кивнула. Ее реакция, движения, показались мне заторможенными. Я списал это на возраст.

– Спасибо, – ответил я, не скрывая растерянность. – Неплохо.

– Я рада, – негритянка действительно выглядела беспечно. – Мистер Семак, на правах советника мэра по туризму, разрешите поблагодарить вас, и вашу супругу, за решение посетить остров Фого. Мы прилагаем немало усилий для привлечения туристов, и постараемся сделать ваш отдых незабываемых.

«Да уж, – подумал я, – старайтесь. В нете только с пятой попытки нашел ваш гребанный остров!» В слух же произнес:

– Да. Здесь удивительные места. Заранее благодарю.

Джейн, после каждого моего слова, кивала головой. Когда я закончил, она еще пару раз, по инерции кивнула, и тут же заговорила:

– Обычно туристы, приезжающей на наш остров, останавливаются в другой гостинице. В отеле «Фого». Это современное здание, с развитой инфраструктурой: ресторан, бары, боулинг. Уютные, комфортные номера исключительно с видом на море...

Бла-бла-бла, все как по буклету. Женщина напомнила мне робота, или скорее электронный гид. Дослушав женщину, я ответил:

– Спасибо. Но эту гостиницу выбрала моя супруга, а я в таких вещах полагаюсь исключительно на ее предпочтения.

Тут до меня дошло! Мисс Питерс пытается увести клиента прямо из-под носа персонала «Тихой пушки». Я обернулся к рецепционерке. Немолодая женщина застыла с наглухо приколоченной к лицу белоснежной улыбкой. Мне показалось, ее выключили. Вместо Хелен, уловив мои сомнения, заговорила афроамериканка:

– Хорошо, мистер Семак. Я поговорю с вашей супругой. По поводу «Тихой пушки» не беспокойтесь. На острове Фого все гостиницы принадлежат муниципалитету, поэтому, этиче-

ски, тем более финансово, вы никого не обидите. Кстати о финансах. Условия в отеле «Фого» намного лучше, да что там, они лучшие на острове. И, в качестве компенсации за беспокойство, на номер в отеле «Фого» мэрия сохранит вам цену вашей интернет брони на номер в «Тихой пушке». Вы не доплатите ни цента, а получите ...

– Спасибо, – не выдержал я монотонного бурчание этого человека – машины. – Вопрос к супруге. А вот, кстати, и она.

В дверях стояла Вероника. Она взяла на прицел камеры чернокожую представительницу заботливой местной власти. Щелкнул затвор, и Вероника опустила камеру, приветливо улыbnувшись хозяевам.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Добро пожаловать на Фого, миссис Семак! – запищала госпожа Питерс.

Краем глаза я заметил как из-за стойки, в знак приветствия, кивнула Хелен.

– Я, Джейн Питерс, советник мэра по туризму. Как вам наш остров? – повторила негритянка вопрос заданный минутой раньше мне.

– Великолепно. Такой нетронутой, девственной красоты я никогда не встречала. А закат? Это просто находка для фотографа. Мне безумно здесь нравится.

Вероника сняла шапочку, бросила ее на стойку, и расправила пышные темно каштановые волосы.

– Я рада, – с искренней радостью произнесла Джейн. – Миссис Семак ...

– Можно просто Ника, – супруга протянула даме руку.

Пожав ладонь, сказала:

– Джей. Ника, скажите, почему вы выбрали именно эту гостиницу?

Супруга коротко задумалась:

– Ну ... не знаю. Название понравилось, – Вероника кинула на меня хитрый взгляд. Я в ответ улыбнулся.

– А в чем проблема? – поинтересовалась она.

– Никаких проблем, – Джейн вскинула свои белые ладоши. – Отличный выбор. У нас на острове все гостиницы особенные. Но для туристов больше подошел бы отель «Фого» на северном побережье, в восемнадцати милях по центральной дороге. Гостиница, которую я вам предлагаю ...

У Вероники была такая же реакция, что и у меня. Она посмотрела на рецепционерку, потом на меня. Я лишь пожал плечами.

Тем временем госпожа Питерс закончила зачитывать буклетную информацию и проникновенно добавила:

– Между нами, – она немного наклонилась вперед, придавая своей фразе панибратскую искренность, – эта гостиница для местных рыбаков. Иногда случается, что океан прибывает кого-то к острову. А туристы, даже те, кто обожает рыбалку, ну, приличные джентльмены, останавливаются в отеле «Фого». Оттуда рукой подать до лесного Авенг ручья и устья в залив. Рыбалка фантастическая. Вы рыбак, мистер Семак?

– Нет, – честно ответил я.

– Порыбачите в тех местах раз, и поймете настоящую страсть.

И не давая нам продохнуть, продолжила:

– Я вас могла бы отвести прямо сейчас. Насчет багажа не беспокойтесь. У меня пикап. А ваш автомобиль я попрошу перегнать помощника шерифа. Кстати, единственная заправка на острове рядом с гостиницей «Фого».

Ее реклама становилась навязчивой. В конце концов, мне было все равно. Я уже был готов согласиться, но путешествие на этот остров инициатива Вероники. Пусть сама разгребает. Именно это и означало мое очередное пожатие плечами, в момент, когда она на меня снова посмотрела.

– Спасибо Джей, – сказала Вероника. – Вы очень гостеприимны и заботливы. Но мы останемся здесь в «Усталой», – супруга вновь бросила на меня свой фирменный хулиганский взгляд, – простите «Тихой пушке». По крайней мере, сегодня. Признаться, мы устали с дороги, и сил на переезд нет. А завтра, обещаю, мы подумаем над вашим предложением.

– Ну что ж, – сдалась госпожа Питерс, – решения наших гостей приоритет администрации. Если передумайте, или возникнут другие вопросы, вот моя карточка, – она протянула визитку, продолжая доброжелательно улыбаться. – Приятного отдыха.

– Спасибо, – почти синхронно, ответили мы.

Миссис Брьонсвик, все это время простоявшая у стойки в монашеском смирении, достала и положила перед собой ключ, с огромным деревянным поплавком.

– Я осмелилась предположить, – вежливо начала она, – что вам больше понравится номер с окном на запад. Я знаю, вам хотелось с видом на залив, но, если вы успели заметить, задняя стена дома, та, что у утеса, глухая. Все из-за южных ветров. Летом они почти не чувствуются, но зимой очень суровы. Случается, что срывает ставни, не говоря уже про окна. На всем острове вряд ли вы увидите дом с окнами на юг. Смею вас заверить, из вашего окна видна часть залива. И в целом вид великолепный. Завтра вы сами в этом убедитесь. К сожалению, мой супруг, помимо прочего выполняющий роль портье, сейчас в море. Поэтому, мистер Семак, с багажом придется сладить самому. Лестница справа, – она вскинула руку, указывая на проем с лакированной деревянной лестницей.

Выговаривая все это женщина, почти не моргая, смотрела мимо нас на противоположенную стену. В стене было небольшое окно, и, в начале, я подумал, что она вглядывается в него. Даже несколько раз проследил за ее глазами, но в окне было темно. Что она там увидела?

– Окай, – сказал я, взяв под руку Веронику, – я проведу супругу и вернусь за багажом. Хелен перевела взгляд на меня и коротко кивнула.

Как только мы оказались на втором этаже, Ника сказала:

– Странные они все какие-то. Ты не заметил?

– Заметил, – согласился я, но посчитал ненужным преждевременно выказывать терзающее меня беспокойство. Правильнее было отшутиться. – У «Усталой пушки» усталые артиллеристы.

Жена хихикнула. Оглядев номер, она довольно кивнула:

– Не плохо.

Широкая квадратная комната, в которую уместилась огромная двухместная кровать, старинный гардероб, викторианское трюмо и два кресла у кофейного столика. Довершал убранство небольшой камин у северной стены. В номере было одно окно, и как было обещано оно выходило на запад.

Вероника встала за кресло. Ее глаза сделались пустыми, а улыбка на лице дебильной. Положив руки на спинку, она заговорила монотонным голосом:

– Мой муж сейчас в море, поэтому, мистер Семак, с багажом придется сладить самому. И поторопитесь, пока ваша пушка не устала совсем.

Я рассмеялся.

– Тебе еще что-то надо внизу? – спросил я сквозь смех.

– Да, – ответила жена, – вот такенный, – она развела руки в стороны, – стейк, жаренного под глазурью кабанчика, ведро картошки фри и малюсенький ломтик хлеба. Я не хочу поправиться после свадьбы.

Я снова рассмеялся.

– Понял, мэм.

Но внизу никого не оказалось. Тусклый свет бил из двух абажуров закрепленных прямо над стойкой регистрации. Я огляделся. Справа от лестницы, у которой я застыл, в полумраке разглядел деревянную дверь с внушительными окошками в матовых, рифленых стеклах. Судя

по всему, там была столовая. Я заглянул. Никого. Ничего не оставалось как пройти к стойке и терпеливо дождаться хозяйку. В нависшей тишине, прерываемой только моим дыханием и глухими ударами сердца, я различил монотонное бурчание чьих-то голосов. Прислушавшись, я понял. Они звучали из-за дверей с надписью «Для персонала», слева от регистрации. Я подошел ближе, и узнал писклявый голос чернокожей женщины.

– ... мне говорили, что они не согласятся. У вас все готово?

Ответ я не расслышал. Только бурчание низкого, по всей видимости, мужского баса.

– Отлично. Докладывай обо всех передвижениях ...

Снаружи что-то грохнуло. Одна из деревянных ставен окна, в которое чуть раньше так вглядывалась миссис Хелен, сорвалась с крючка и, под порывом ветра, хлопнула об стену. Я вздрогнул от неожиданности, и, беспокоясь за имущество «Усталой пушки», поспешил наружу.

На улице заметно похолодало. Закрепив непослушную ставню я прошел к нашей Тойоте. Достал чемодан, сумку и рюкзак. Сложил их у входа. Немного подумал в нерешительности и, поборов сомнения, достал пачку сигарет. «О, да! – подумал я, глубоко затягиваясь отравленным дымом. – Все-таки, что-то есть в этом острове. Красота!» Над дорогой, по которой мы только что приехали, уже стояла огромная сфера луну. Большая и грустная, она напоминала заточенную в башню красавицу.

– Простите! – из дверей вышли двое.

Один молодой, грузный негр, второй худой, крючковатый европеец. Задумавшись, я стоял прямо в дверях и мешал их проходу.

– Да, джентльмены, простите! – я отшагнул в сторону.

Мужчины равнодушно прошли мимо и уселись в Шевроле. Завели мотор и через минуту габаритные огни их авто исчезли за холмом.

Докурив, я отправил окурок в дугообразный полет и вернулся в холл, к стойке регистрации. Хелен стояла на своем посту, нацепив на лица свою обычную искусственную улыбку.

– Хелен, – заговорил я. – А для ужина еще не поздно?

– Нет, – ответила женщина, глядя куда-то мимо меня. – Сегодня запеченный лосось с морковью. Есть и картофельное пюре.

– Отлично, – обрадовался я. – Мы будем и то и другое.

Немного подумав, я добавил:

– У меня в чемодане залежалась бутылочка вина. Не возражайте?

– Что вы! Вы наши гости? – одними губами ответила женщина.

– Вы могли бы к нам присоединиться. И миссис Питерс тоже. Будем рады.

– О, нет, – невозмутимо ответила Хелен. – Миссис Питерс собирается уезжать, а я не переношу алкоголь. Извините.

– Жалко – сказал я, выдавливая из себя максимум сожаления, на которое только способен. – Ну ладно. Тогда мы сами.

Навьючил на себя багаж и пошел к лестнице. Уже поднимаясь, услышал:

– Ужин будет готов через полчаса. Прикажете подать в номер?

– Нет, спасибо. Мы спустимся, – ответил я, не оборачиваясь.

Не смотря на усталость и голод, мы с Вероникой нашли себе занятие. До ужина мы успели помириться окончательно.

3.

С Вероникой мы познакомились на пятнадцатом этаже Уан-Чейз-Манхеттен-Плаза в Нью-Йорке. Я – младший партнер в «Хард индастриес инвистишнс». И не цепляйтесь к словам. Для тридцатилетнего финансового аналитика, в структуре, где только планктон центрального офиса переваливает за сотню клерков, это достижение. Учитывая, что старших партнеров всего трое, а младших – восемь. И из этих восьми, только у меня отдельный кабинет. Поверьте, заслужить такую привилегию в месте, где аренда квадратного фута в месяц равняется годовой зарплате рабочего любого из заводов, которых мы десятками покупаем и продаем, не так-то просто.

Вероника делала рекламный буклет для нашей компании. В конечном итоге ее проект завернули, но пару фото все-таки купи. Виды, по-моему, Красноярских заводов. Дождавшись окончания презентации, я подошел, как мне тогда показалось, к трепетно худой, высокой девушке, в светлой деловой блузке, стертых черных джинсах и мягких кроссовках. Она пыталась перекинуть на спину рюкзак, мешавшей ей набрать из кулера воду.

– Я могу подержать, – предложил я.

Вероника подняла на меня грустные глаза. Но тут же, жизнерадостная улыбка согрела ее лицо, подчеркнув грациозную линию высоких скул и миндалевидный овал волнующих серых глаз. Локон волос упал на гладкую, немного румяную щеку, и она его раздраженно сдула.

– Давайте, – сказала она, – помогите. Но, учтите выпью столько воды, сколько смогу. Может тогда ваша жадная конторка обанкротится.

Я улыбнулся:

– Пожалуйста.

Она наклонилась к кулеру. Все-таки насчет ее худобы я ошибся. Джинсы аппетитно облегли округлые бедра.

– Вы татарка? – неожиданно для самого себя спросил я, и тут же осекся. – Простите, это не принято здесь ...

Я готов был провалиться под землю. «Болван! Тупорылый, бестактный идиот!» Не находя слов, оправдывающих бестактности, я проклинал себя на чем стоит свет.

– На половину, – как ни в чем не бывало, ответила она. – Мама. Отец из приволжских немцев.

Она отпила из стаканчика, не торопясь забрать у меня рюкзак. Это был хороший знак.

– Давно вы были дома? – спросил я на родном языке.

– Смотри, что считать домом, – ответила она тоже по-русски. – С 12 лет я живу в Германии. Если вы про Россию, я была там зимой. Вы видели фото?

– Да. Это Красноярск, – поспешил я похвастаться своей осведомленностью.

– А вы? – спросила она, отпив еще глоточек.

– Я? Я часто бываю в России. По работе.

– Это я поняла. Продаете родину по кусочкам, – она улыбнулась. – Кто вы по национальности? Мне это не так важно, просто хочу сравнить счет.

Я улыбнулся:

– Сам не знаю. Папа из малороссов, мама молдаванка. Дед турок с Кавказа. Другой дед белорус, хотя бабушка говорила, что он стеснительный поляк ...

– А понятно, – кивнула девушка. – Подержите.

Она протянула мне наполовину выпитый стаканчик. Взяла другой, чистый, и снова наклонилась к кулеру.

– Я много не смогу выпить. Хоть стаканчики попорчу. Наверняка они здесь по цене божьих бокалов.

Мой взгляд снова сполз на облегающие джинсы. На этот раз кроме бедер, я оценил узкую талию, и стройную спинку, прячущуюся под узким трикотажем.

– И что вы здесь делаете? – спросила она, поднимаясь.

Ее прелести настолько меня заворожили, что я, забыв про приличия, не смог вовремя поднять взгляд на благопристойный сегмент. Девушка посмотрела мне в глаза раньше чем я успел оторвать их от ее чарующей фигуры.

Я смутился. Мне показалось, она догадалась, что я пялился на ее задницу, то есть фигуру. Я запаниковал. Прямо как пойманный у женской раздевалки пионер. «Что с тобой!? Возьми себя в руки!» – ругал я себя. Мои глаза стыдливо поникли, и, как назло остановились, сфокусировавшись, конечно же, на уровне скромного выреза декольте. «Черт! – разозлился я. – Да что со мной такое? Как пацан ...» Посмотреть ей в глаза не хватало храбрости. Взяв себя в руки, я поставил стаканчик на кулер, откашлялся и сказал:

– Я финансовый аналитик. Так называется то, что я делаю, хотя к финансам я имею косвенное, вернее следственное отношение, – ответил я на английском, продолжая тарашиться на декольте.

– Как и разглядывания незнакомых девушек? Этот похоже на домогательство! У вашей конторы есть хороший адвокат? – нотки ее голоса напомнили мне классную руководительницу из ленинградской школы моего детства.

«Черт!» – снова выругался я про себя. Мне вдруг захотелось кинуть на пол рюкзак и убежать. Скрыться в коморке с инвентарем уборщиков и по-тихому наложить там на себя руки. Но, вдруг, она звонко засмеялась. В недоумении, украдкой я взглянул на нее. Наконец до меня дошло: она шутит. Какой же я болван!

– Ладно, – сказала она сквозь смех, – на этот раз я вас не засужу. Но вам должно быть стыдно.

Я действительно сторал со стыда. Позже, я понял. Это был не стыд, а преувеличенное смущение. Но в тот момент я ничего не соображал. Я где-то читал, что человеческая судьба предрешена. И лишь несколько раз в жизни бог, вселенная или рок, называйте как хотите, дает нам реальный, настоящий шанс. Хотя, если подумать и шанс, и выбор, также предопределен. Так или иначе, не знаю, что на меня тогда нашло, и как еще можно объяснить мой поступок, но я вдруг заговорил. Заговорил неслыханно откровенно, с абсолютно незнакомой, но чертовки привлекательной девушкой:

– Черт! – чуть ли не крикнул я. – Я взрослый мужик. Короче, вы мне нравитесь, очень сильно. Насчет любви, так, с первого взгляда, не знаю. Но ...

Неожиданно я замолчал. Окончательно запутавшись, ждал, что девушка остановит меня, удержит от дальнейших опрометчивых откровений. Но этого не случилось. Выдержав паузу, она просто, даже как то обыденно сказала:

– Ладно. Я, Вероника. Можно Ника. А ты? Скажешь, как тебя зовут, или останешься в статусе безымянных воздыхателей?

Через месяц, на ее день рождения, я сделал Веронике предложения. А еще через полгода мы поженились.

Первое утро на острове оказалось пасмурным и неприветливым. Океан, кусочек которого мы видели из окна номера, своей серостью сливался с сушей. То, что это земля, было понятно из-за зеленоватых фрагментов растительности между камней. Где-то далеко на западе грозные, почти черные тучи повисли на линии горизонта. Наверняка там шел дождь.

– Как спалось, бублик? – Ника меня обняла. Ее теплое тело прильнуло к моей спине.

Я стоял у узкого окна, не заметив, как она подошла.

– Все-таки ты из меня вьешь веревки, – ответил я. – Затащила ... Обманом! Затащила на край света. А я даже злиться на тебя не могу.

– Ты меня не простил? – спросила она, плавно опустив ладонь ниже. – Мне показалось что ...

Она шептала эти слова прямо в ухо. Ее дыхания нежно щекотало. По спине побежали мурашки.

– Чем займемся? – спросил я через полчаса, лежа в теплой кровати и обнимая супругу.

– А чего бы ты хотел, бублик?

Я сладострастно улыбнулся.

– Нет, – простонала Ника и вскочила, упершись локтем в кровать. – Ты забыл, что сказал агент конной полиции? Пушку нельзя многократно эксплуатировать! По утрам!

– Да? Разве он так сказал? – спросил я, поцеловав ее в лоб.

Ника кивнула головой, придав лицу милое выражение наивности. «Все-таки Бродвей прозевал первоклассную актрису» – подумал я, широко улыбнувшись.

– Тогда поедем фотографировать твоих зябликов?

– Тупиков, – прошептала жена, и тут же бодро вскочив с кровати, прищурилась и направила на меня свой указательный палец, – но к вечеру, чтобы привел свою пушку в порядок.

– Не понял!? – возмутился я, но Ника уже убежала в ванну.

На завтрак миссис Брюнсвик подала нам овсяную кашу на молоке. Удивительно, но и ужин и завтрак в этой потрепанной гостинице, оказались на уровне пятизвездочного Мишлен.

Наевшись до сыта, я закинул сумку с аппаратурой в Тойоту и завел мотор. Как только Ника захлопнула пассажирскую дверь, я решительно нажал на педаль газа и направил автомобиль к шоссе. Поднявшись на ближайший холм, в месте, где щебневый выезд с гостиничной парковки пересекался с асфальтированной дорогой, я остановился:

– Куда ехать, дорогая?

Ника оторвалась от камеры, и оглянулась.

– Вон к тем скалам, – она указала на Восток. Там, вдалеке, высокий, крутой утес уходил далеко в океан.

– Йес, мэ, – сказал я с затрепетавшей надеждой. – Сейчас мы быстренько твоих зябликов отщелкаем, и во Флориду. Вечерним рейсом.

– Тупиков, бублик. Ты штатив захватил?

– Да, милая, – я мельком глянул на супругу.

Мне часто доводилось наблюдать этот характерный охотникам азарт. Он процветал в разных местах: на биржах, презентациях, торгах. Особенно мне нравился переговорная марка азарта. На той стадии сделки, когда маски игроков в покер сброшены, и участники готовы впиться друг другу в горло, ради лишнего доллара к своим миллионам. Именно этот сорт азарта появлялся и у Ники, как только она принималась за работу.

Шоссе вывело нас на изрезанном озерцами, прудиками, иногда просто лужицами, плато. Оно тянулось во все стороны, упираясь в серые скалы. Но ровность плато, как и в первый раз, показалась мне иллюзорной. Мое сознание упорно, даже навязчиво, отказывалось верить в реальность окружающего.

Совсем скоро дорога резко провалилась ниже этого сюрреалистического плато, и уперлась в перекресток. Я притормозил у знака «Стоп», огляделся и, не обнаружив никаких признаков движения, повернул направо.

– А вот и цивилизация, – обрадовался я.

На обочине показался указатель «Селдом 333».

– Город? – удивился я.

– Неа, – равнодушно ответила Ника. – На острове несколько населенных пунктов. Одиннадцать, по-моему. Но это всего лишь названия. Судя по фоткам в нете, населенным пунктом они называют пару лачуг, амбар и пирс. Самый большой городок, с церковью, магазинами и даже парком на северо-западе. А столица в центре. Чтобы ты понимал, столица это место где

зброшенное здания у старого аэродромчика перестроили в мэрию. Ты разве не читал в интернете?

Увидев мои осуждающий, почти гневный, взгляд, Ника решила не тербить затянувшиеся раны, и кокетливо прикрыла кулачком ротик:

– Упс.

– В аэропорту, в Ньюфаундленде, – начал я угрюмо, – на фотках со спутника, успел рассмотреть лишь пиксели.

– Да, да. Информации мало, – супруга поспешила перевести стрелки, – и то, только в туристических путеводителях. По большей части об отеле «Фого», куда нас вчера зазывала та женщина из мэрии. В общем, здание гостиницы считается что-то типа шедевра эко архитектуры. Несколько бетонных кубов наложенных друг на дружку без особой симметрии, и все это на сваях прямо среди скал. Смотрится эпично. Стоит как-то заехать, может дама из мэрии права, там лучше.

Шоссе уходило влево на север. Утес, к которому мы направлялись, находился прямо, и казалось, ни на миллиметр к нам не приблизился. Я съехал на грунтовку. На этот раз дорога почти сразу запетляла между невысокими глыбами, слишком больших для камней, и слишком маленькими для скал. Кое-где между ними прорывались островки зеленой растительности.

Несколько раз дорога довольно круто уходила вниз. Из ложбин не было видно ничего, ни океана, ни плато, ни утеса. Затем Тойота вновь взбиралась вверх, и перед нами открывался раздольный, но угрюмый северный пейзаж. Когда, казалось, утес должен был быть совсем рядом, и авто поднял нас на возвышенность, я с ужасом обнаружил, что утес не прямо по курсу, я диаметрально противоположно, за нашими спинами. Дорога, пропетляв, разворачивалась обратно.

– Дальше пешком, – сказал я, затягивая ручной тормоз. – До утеса километра три, во всяком случае, мне так кажется.

Я вышел из машины и навьючил на себя рюкзак. Ника забралась на широченный камень. Затвор камеры щелкал без конца.

– Бублик! – крикнула она мне. – А давай оденем тебя в костюм тупика и я тебя сфотографирую? Заказчик не отличит от оригинала. Ты любишь сырую рыбу?

– Все что угодно, – ответил я, – лишь бы свалить отсюда. Где прокат костюмов?

– Что там? – спросила Ника, указывая пальцем куда-то за мою спину.

Я обернулся как раз в тот момент, когда метрах в ста от машины, за скалу нырнуло ярко оранжевое пятно.

– Туристы, – ответил я. – Местные в жизни бы не надели такую яркую одежду.

Я так решил, поспешив ассоциировать серую угрюмость острова со вкусами жителей. И ошибся. Оказалось, местные рыбаки только яркую одежду и носили. На серой глади океана такая одежда сильно выделялась и, это часто спасало жизнь, попавшим в беду рыбакам.

– Идем знакомиться, – предложил я, – Может тупиков встречал.

Идти было невероятно трудно. На неровных камнях достаточно одного неловкого движения и получаешь в качестве бонуса от поездки вывих, а то и перелом. Спасали камни покрупнее, на которые можно было наступать смелее, опасаясь только скользкого моха. Уже через пятьдесят метров я пообещал себе: как только выберемся, сразу поедем в местный супермаркет за нормальными альпинистскими ботинками. От моих пижонских кроссовок не было никакого толку. Зато Ника прыгала с камня на камень как козочка, успевая при этом фотографировать.

Совсем скоро я обессилено плюхнулся на заросший мхом камень.

– Погоди, косулька, – крикнул я Нике, пытаюсь отдышаться и помассировать гудящие ступни.

Но супруга уже успела скрыться за очередной скалой.

– Бублик, милый, иди сюда. Что это? – услышал я через секунду ее голос.

Зашнуровав потуже чертовы кроссовки, я с трудом встал. Ника стояла спиной к скале и смотрела в сторону океана. На фоне серого неба, метрах в двадцати от скалы, на дне небольшой впадины я увидел ярангу. Конусообразное строение обтянутое посеребристыми шкурами тюленя, с торчащими вверху обрубками шестов, вписывался в окружающий пейзаж как нельзя лучше

– Я такие видела у чукчей, в Сибири, – сказала Ника. – Интересно в ней кто-то живет? Я огляделся. Ни оленей, ни снастей, ни другой домашней утвари.

– Ну. Пойдем, поздороваемся! – сказал я и шагнул вниз.

– Может не надо? – робко запротестовала жена.

– Надо, – ответил я уверенно, движимый огромным желанием избавиться от чертовых кроссовок взамен на подходящую обувь, и готовый к любой доплате.

Спустившись, я остановился. Меня удивил мох вокруг яранги. Он оказался странного серого цвета и напоминал больше пыль. Или пыльцу. Я осторожно наступил. На земле, в этой тонкой, рассыпчатой массе остался четкий отпечаток подошвы кроссовок. Кроме моего следа, других не наблюдалось. «Никого дома нет, – мелькнула мысль. – Но куда же подевался человек в оранжевой куртке?»

– Бублик, – позвала меня Ника, – пойдем дальше! Не ходи туда.

– Пойдем, – пробубнил я по нос, – легко сказать. На материке надо было опасаться. Здесь в кроссах далеко не дойду.

Я шагнул в серый налет. Тонкий и легкий настолько, что от одного дуновения воздуха вокруг моей стопы он разлетался, обнажая голый камень. Сделав еще несколько шагов, я оказался у яранги. Шкура, служившая дверью, была чуть приподнята.

– Есть кто дома? – спросил я. – Хозяева?

Тишина. Хотел постучать, но оказалось что не обо что. Оглядевшись, похлопал несколько раз в ладоши. Тишина.

Подождав несколько секунд, решил и поднял тяжелую кожу.

Из яранги пахло дохлятиной. «Должно быть кожу плохо дубили» – подумал я и заглянул внутрь.

Внутри царил полумрак. Свет проникал из круглого отверстия наверху. Глаза несколько мгновений привыкали. Вскоре я стал различать предметы. И тут же об этом пожалел. Увиденное заставило меня оцепенеть. В полумраке, на голом каменном полу, лежала обнаженная девушка. Она была мертва. Вокруг тела в форме овала кто-то тщательно сложил острые камни. Серый налет снаружи проник в ярангу и покрыл пол до овала из камней, обрамляющий мертвую азиатку. В том, что она азиатка сомнений быть не могло, как и в том, что она мертва. На раскосом лице оставались следы ссадин и кровоподтеков. Шею обрамлял жуткий узор от ожогов. Чуть ниже, на груди содран кусок кожи. На пальцах рук, прикрывающие крохотные груди, не хватало ногтей. Живот и ноги покрыты глубокими порезами и царапинами. Жуткую картину довершала кучка зеленого мха, прикрывающая лобок. Распушенные черные волосы образовывали вокруг головы нимб, придавая некий ареол художественности. Она умирала в муках.

Я в ужасе отступил назад. Выскочил из яранги и задернул проем висящей шкурой.

– Что там, бублик? – крикнула Вероника.

– Ничего, – ответил я, быстро направляясь к ней. – Идем отсюда.

– Что там?

– Пошли быстрее, – я подхватил ее под локоть и силой потянул от злосчастной яранги.

– Бублик, ты приведение увидел? – продолжала она любопытствовать, но послушно шагала к машине.

– Там труп, – как можно спокойнее ответил я.

Ника остановилась.

– Как?

– Пойдем быстрее. Тот парень в желтой куртке поблизости. Ты понимаешь опасность? Супруга опасно огляделась.

– Он убийца?

– Я не знаю, косуля. Я знаю лишь то, что нам побыстрее надо отсюда уехать.

От быстрой ходьбы по камням ноги гудели, а дыхание сбилось. Наконец мы добрались, и я завел мотор. В зеркале заднего вида, на долю секунды среди камней мелькнула оранжевая точка. Я вдавил педаль газа, и Тойота помчалась по пересеченной дороге.

– Дорогая, проложи маршрут до ближайшего полицейского участка, – приказал я.

Бескомпромиссность моего тона заставила Нику тут же, без лишних разговоров, забить поиск в навигатор. Но вместо привычного писка и гнусавого направляющего голоса, на экране замерцала надпись «Ошибка связи».

– Бублик, нет связи, – констатировала она очевидность.

– Вижу.

– Доберемся до трассы, повернешь направо. На север. Там город, я помню указатели, – настала ее очередь приказывать. Для стресса, в котором мы находились, она вела себя молодцом. Признаться, меня это приятно удивило. – Я попробую набрать Джейн.

– Кого? – не понял я.

– Даму из мэрии.

– А, – вспомнил я, – негритянку.

– Афроамериканку, – поправила меня супруга.

– Ну да, – согласился я, вырывая на очередной подъем.

– Нет связи, – грустно констатировала Ника через несколько минут. – Может на трассе появится.

И грунтовая дорога, словно услышав Нику, уперлась в полосу асфальта. Наконец. Я повернул на север.

Мы ехали молча. Вероника постоянно проверяла сеть. Связи не было. Я успел успокоиться. Способность рассуждать здраво вернулась. Итак, мы случайно набрали на труп. Игнорировать его, сделать вид, что нас там не было, глупо. Повсюду наши следы, да и свидетель в оранжевой куртке. Следовало как можно быстрее сообщить властям о мертвой девушке.

Мысли материалы. Это спорное для скептиков суждение жизнь доказывает ежесекундно. Впереди, на обочине появился автомобиль. Я начал тормозить, и в следующую секунду Ника облегченно закричала:

– Это полиция! Дорогой, это полиция.

Я и сам уже разглядел выключенные проблесковые огни и надпись на дверях. В эту же секунду мигалка на крыше загорелась, и автомобиль противно крякнул. Свернув на обочину, я остановился рядом с полицейским джипом.

Большую часть своей жизни я прожил в Америке. Родители отправили меня за океан, когда я был подростком. Подальше от хаоса и разрухи оставшегося на месте огромной державы. Со времен колледжа я был знаком с принятыми в этой части света правилами. При всей экстраординарности сложившиеся ситуации, я смиренно положил руки на руль и ждал прихода полицейского. Выскочить из машины и рвануть в сторону блюстителя порядка означало реальную вероятность нарваться на пулю. Вполне таки законную, но от этого не менее опасную. Полицейский не спешил. Он сидел в своем авто, и по всей вероятности «пробивал» Тойоту по базе данных.

Наконец дверь полицейского джипа открылась и к нам неохотно зашагал высокий, грузный мужчина в синей форменной куртке.

– Ба, – сказал я супруге, разглядев полицейского в зеркале, – да это же наш знакомый с причала. Помнишь, пузана встречавшего Митча?

Ника, тоже прекрасно знакомая с местными правилами, не выдержала и резко обернулась. Полицейский, заметив движение в машине, настороженно остановился и положил правую руку на пояс. Оружие он доставать не стал, но ладонь продолжала лежать на кобуре.

– Дорогая, спокойнее. Не раздражай ... – начал я, но супруга меня перебила.

– Знаю, знаю. Я нервничаю.

Пузан встал в пяти шагах от авто и сосредоточенно нас разглядывал. Через долгую минуту он свободной рукой поправил свою нелепую шляпу и приблизился к моей дверце. Опускать стекло следовало только после того, как он в него постучит.

Наконец.

– Здравствуйте, офицер! – сказал я, не в силах скрыть свое нетерпение. – Мы с супругой

...

– Ваши документы, сэр. Медленно, – осадил меня полицейский.

– Ах, да. Конечно.

Поковырявшись во внутреннем кармане, я достал бумажник с документами.

– Договор найма авто в бардачке. Можно достать? – спросил я пузана.

– Пока нет, – ответил он, сличая фотографию из документа с оригиналом. – Вы слишком быстро ехали. На этом участке дороге ограничение 30 миль.

– Да, сэр, – признался я, – но у меня есть на то причины.

Мы испытывающее смотрели друг другу в глаза. Он – пытаясь понять степень моей трезвости, я – степень его разумности. Наконец он спросил:

– Могу я знать какие?

– Разумеется, – поспешил я. – Дело в том, что примерно в десяти милях отсюда, на проселочной дороге мы обнаружили труп девушки.

Признаться, я ожидал что после этих слов пузан мигом прыгнет в свой автомобиль и помчится на место преступления. Но этого не случилось. Полицейский продолжал испытывающее на меня смотреть.

– Вы можете это подтвердить, мэм? – он обратился к моей супруге.

– Да, конечно, – подержала меня жена. – То есть, я своими глазами не видела. Но я видела ярангу, в котором был труп.

– Вы не видели труп, мэм? Перед тем как ответить подумайте. Я шериф этого острова, мне нельзя лгать!

– Да, сэр, – согласилась Ника. – Я понимаю. Мы нашли ярангу. Муж заглянул в нее и сказал, там мертвая девушка.

Полицейский продолжал на нее смотреть, ожидая продолжения, или раздумывая, что мы или нет и что с нами делать дальше. Наконец, он принял решение.

– Поедьте за мной. В участок. Ваши права пока останутся у меня.

– Но, сэр, – возмутился я его решению, – там место преступления ...

Взгляд шерифа заставил меня замолчать. По нему я понял, каждое мое слова закапывает меня глубже и глубже. Мне был знаком такой полицейский взгляд еще по моим приключениям в университете. Тогда препирательство с представителем власти в купе с пакетиком дряни в кармане чуть не стоили мне свободы.

– Ладно, сэр. Я понял.

– Отлично, – согласился шериф. – Вы приятели агента Батлера, если не ошибаюсь?

– Да, сэр.

– Думаю, вам хватит мозгов не наделать глупостей?

– Да, сэр, – кивнул я.

Он пошел к своей машине, и я шепнул супруге.

– Тем более, что мы на острове. Куда мы денемся?

Ника натужно улыбнулась.

4.

Полицейский участок острова Фого ничем не отличался от любого другого провинциального участка на восточном побережье. Небольшой отдельно стоящий домик с выкрашенными в белый стенами и с покатой коричневой крышей. Входную дверь, нелепо синего цвета устроили посередине, между высокими спаренными окнами. Несмотря на полдень, из окон уютно лился электрический свет. Перед зданием стоял полицейский джип.

Шериф, небрежно припарковал у крыльца машину, и, не дожидаясь нас, прошел внутрь. Мы послушно последовали за ним. «Хороший знак, – подумал я. – Значит, мы не задержаны и не арестованы».

Полицейский поздоровался с молодым темноглазым пареньком. Юноше вряд ли продавали спиртное без удостоверения личности. Во-первых, из-за низкого роста, во-вторых, из-за детского выражения лица. От этого, полицейская форма на нем смотрелась нелепо, как скафандр на карлике. Он, как мне показалось, немного смущенно взглянул в нашу сторону. Наверняка, паренек комплексовал из-за роста, выражения лица, а может быть, понимал как нелепа на нем полицейская форма.

– Здравствуйте, – поздоровался одновременно с Никой.

В ответ тот лишь важно кивнул. Тем временем шериф обошел стойку, за которой стоял паренек, и вошел в свой офис. Мы продолжали мяться в холле.

– Эй, – крикнул шериф, – так что там с трупом?

Я шагнул вперед, но шериф жестом меня остановил.

– Сначала дамочка. Томми, сделай всем нам кофе.

– Да, сэр, – сказал ломающимся голосом помощник шерифа. – Мэм, пройдите. А вы, сэр, присядьте. Вон там.

Я обернулся. В дальнем конце приютился ряд стульев. На одном из них сидел бомжеватого вида бородач.

Я взял ладонь Вероники.

– Не переживай, дорогая. Все хорошо.

Ника грустно улыбнулась. Но глаза блестели всепобеждающим жизнелюбием. Все-таки она молодец. Супруга изобразила воздушный поцелуй, на несколько мгновений собрав губы в очаровательный бантик, и уверенно вошла в открытую дверь с надписью: «Марк Карлсон. Шериф» Мне ничего не оставалось, как пройти к ряду стульев, усесться рядом с бородачом и ждать.

– За что повязали, чувак? – шепотом спросил мужчина.

– Не повязали, – уточнил я, – мы сами пришли.

– А, – без удивления кивнул бомж. От него сильно несло спиртным, и продолжать беседу у меня не было никакой охоты. – А меня моя ведьма из дома выперла. По правде говоря, это ее дом, но, другого у меня нет. Придется в участке пару дней пожить. Марк хороший парень. Через денек другой все уладит. Здесь на острове в беде не бросают. Откуда ты?

– С материка, – не совсем учтиво ответил я.

– А, понятно. Турист. И как тебе наш остров? Еще не так давно, – продолжил он, не дожидаясь ответа, – о нашем острове никто и не знал. Как военные уехали, открыли причал и для туристов.

– Военные? – удивился я, хоть меня и не очень интересовали воспоминания местного алкаша.

– Ну да, военные. Пришли сразу после войны, я тогда пешком под стол ходил, – мужчина задумался, вспоминая былые дни. – Мой отец в тот год весь сезон на правительство проработал. Весь остров на стройке трудился. И днем и ночью работали. Хорошее время было.

Он замолчал, поглощенный мыслями о прошлом.

– Сэр, – услышал я помощника шерифа. – Кофе.

Да. Кофе было как нельзя кстати. Я пошел к стойке, на которой дымились две кружки.

– Спасибо, – поблагодарил я, протягивая полицейскому руку. – Я, Эндрю Семак.

Парень натянуто улыбнулся и ответил мне, мягким, подростковым рукопожатием.

– Томми Виллис, помощник шерифа, – сказал он детским голосочком, буравя меня не по-детски холодными глазами. – Вам не составит труда отнести вторую чашку Юджи? Он хоть и пропойца, но неплохой человек.

– Конечно, Томми, – согласился я.

Только теперь я уловил, своеобразность помощника шерифа. В его внешности я заметил характерные черты. Миндалевидные глаза, высокие скулы, немного крупноватый нос, и высокий лоб. Однозначно, кто-то из его предков прибыл сюда не из Европы. Гены азиата в нем были сдобрены хорошей порцией европейской наследственности. Определить это сразу было сложно из-за миниатюрности, или правильнее сказать, детскости его лица.

Алкаш продолжал мысленно путешествовать по своим воспоминаниям.

– Юджи? – вернул я его в реальность. – Ваш кофе.

– А. Спасибо.

Я сел на стул и отпил глоток ароматного напитка.

– По большей части это были янки, – задумчиво продолжил бородач. Мне понадобилось время, чтобы понять, о чем он говорит. – Молодые крепкие парни в красивой форме. Несколько из них жили в нашей лачуге на восточном мысе. А к зиме все военные переехали на базу. Это там где сейчас аэродром. Да, – вздохнул мужчина, и отпил из кружки.

Его болтовня меня раздражала. Я никак не мог сосредоточиться.

– Все изменилось через год, когда родители отправили меня на материк. В школу. На остров стало не попасть. Раз в неделю из Порт Эльберта ходил один единственный транспорт. На борт брали только по списку шерифа. А все из-за этих проклятых коммунистов. «Остров – форпост борьбы с красной угрозой!» – так говорили военные.

– Моряки, – поправил я, решив, что старик путает, имея в виду военно-морскую базу.

– Нет, чувак, – Юджи взглянул на меня стертыми глазами. – Неужто ты думаешь, я моряков от сухопутных не отличу? Здесь была военная радиолокационная станция. Да еще какая! Перехватывала любой шорох во всем северном полушарии. Другой такой нигде нет. Ни у русских, ни у кого-то другого. А ты знаешь размеры локатора?

Я безразлично мотнул головой.

– Весь остров, чувак. Весь наш гребанный остров это локатор, – голос бородача стал громким, и немного раздраженным. – Ту антенну, что ты видел у Айлен Харбора, всего лишь вершина айсберга. Весь остров прокопан тоннелями и ходами с сотнями миль проводов и кабеля

...

Его тон меня в конец разозлил. Тем более, я понятия не имел, о какой антенне он говорит.

– Хорош заливать! – остановил я его. – Оставь эти истории другим туристам.

– Заливать? – он почти перешел на крик. – Да что ты знаешь? В большом лазе у Стэнг Дика до сих пор секретная лаборатория ...

– Юджи, – окрикнул на его помощник шерифа, – ты чего расшумелся? Остынь.

– Да, сэр, – послушно ответил бородач, – извините.

Он снова повернулся ко мне, и заговорчески зашептал:

– Дядя Сэм умеет прятать секреты. Сейчас и русские, и китайцы слушают всех из космоса. Но наша сеть, чувак, заткнет их за пазуху. Я видел паутину. Она всюду. Она лезет прямо в мозг ...

Дверь шерифа отворилась. Я встал.

– Мистер Семак, – позвал меня шериф, – загляните на минуточку?

Я прошел в офис. У стола заваленного какими-то бумагами сидела Вероника. Вид у нее был спокойный, но в жатых между коленями ладонях выдавалось некое напряжение. Я решил пойти сразу с козырей:

– Мистер Карлсон, мне ужасно неловко забирать у вас столько времени. Может, что бы вас не отвлекать, мы с мистером Батлером съездим к яранге? Я ему все покажу.

Шериф недовольно крякнул.

– У него много дел. Для начала я сам должен все проверить.

– Поверьте, Марк, я не псих, – настаивал я, – а время дорого. Этот тип в оранжевой куртке ...

Я многозначительно замолчал, давая шерифу паузу на обдумывание.

– Ладно, – наконец согласился он, внимательно изучив выражения моего лица. – Томми, свяжись с агентом Батлером.

Но Томми не успел этого сделать. В эту же секунду дверь участка распахнулась, и на пороге появился Митч. Увидев нас с Вероникой, он замер от удивления. Затем его хмурое лицо расплылось в широкой улыбке:

– Знакомые все лица. Марк, что натворили эти двое? – шутливо спросил он. – Ради красивого кадра пошли на убийство тупика?

– Привет, Митч, – поздоровался я, и без предисловий перешел к делу. – Мы с Никой набрали на труп в яранге, и кажется, видели убийцу.

Шутливое настроение мигом улетучилось. Батлер испытывающее на меня посмотрел. Мне хорошо знаком этот взгляд. Переговорщик без опыта, обычно, после такого начинает нести всякую оправдательную чушь. Но, я молчал. Заметив решимость, агент достал из внутреннего кармана несколько фотографий и протянул их мне.

– Взгляни, – предложил он мне.

Пока я перебирал карточки, внимательно вглядываясь в лица, он снял куртку и повесил ее на вешалку. На фото были изображены девушки. По качеству снимков стало ясно, фотографировали в разные года. Было не меньше десяти карточек. В основном молодые, симпатичные женщины. Нужная мне фотография оказалась последней. Девушку я узнал без труда. У нее единственной были раскосые азиатские глаза. На фотографии она выглядела немного моложе и уж куда живее.

– Вот она, – протянул я фотографию Митчу.

– Уверен? – засомневался агент. – Может и Ника взглянет?

– Она не видела труп, – ответил за нас шериф. – Это та самая корейка?

Митч угрюмо кивнул.

– На карте сможете показать?

– Боюсь, нет. Но я готов поехать с вами.

Мужчины быстро переглянулись. Еще минуту агент перебирал фотографии, размышляя как поступить.

– Ладно, поехали, – он засунул фотографии во внутренний карман пиджака.

– Только, Митч. Можно сначала Нику в гостиницу отвести? – я взглянул на супругу и увидел в ее глазах беспредельное возмущение.

– Нет, бублик. Не оставляй меня одну. Я еду с вами!

– Извини, – я взял ее руку. – Так будет лучше. Это может быть опасно.

– Томми отвезет ее, – приказным тоном произнес шериф. – Вы где остановились?

Полицейский джип, неся по пустой автостраде с включенной сиреной. Шериф сосредоточенно следил за дорогой. Мы с Митчем расположились на заднем сидении.

– Кто все эти девушки? – спросил я неожиданно для самого себя.

Агент взглянул на меня и отвернулся к окну. Унылый северный пейзаж не баловал разнообразием. Время от времени мимо нас проносились дорожные указатели и пустые перекрестки.

– Они пропали, – ответил агент, когда я уже смирился с тем, что он проигнорировал мое любопытство. – За последние двенадцать лет. Это по федеральной базе данных. Они там есть только потому, что иностранки. Местные ...

– Местных не пропадали, – встрял шериф. – Все под контролем. Я не понимаю, почему в столице такая паника. Сбежали дамочки. Делов то!

– Началось все неделю назад, – продолжил Митч, не обращая внимания на реплику шерифа. – Гражданин Южной Кореи обратился в полицию Оттавы с заявлением о пропаже супруги. Посольство взяло дело под контроль. В общем, дошло все до самого верха.

– Причем тут остров? – не унимался шериф.

– Последний раз девушку видели поднимающуюся на борт парома в Ферри Рамп на острове. Камеры видеонаблюдения зафиксировали это. Но на Ньюфаундленд она не сошла.

– Бросьте, Батлер, – снова встрял шериф. – Я читал дело. Есть свидетели. Ее видели в аэропорту Гандера.

– Эти свидетели либо врут, либо слепые. Тем более допрашивали их уже в полиции Сеула. Мы просмотрели все видеозаписи и из аэропорта, и из Порт Эльберта. На камерах ее нет.

– Ну, значит, нырнула с парома. Или спряталась в чуланчике, не желая возвращаться к диктатуре в Корее.

– Диктатура в Северной Корее, Марк, – пояснил Митч, – в Южной демократия.

– Да какая разница? – удивился шериф.

– В общем, странное дело, – снова проигнорировал Карлсона, продолжил Митч. – Начали копать. При схожих обстоятельствах попали еще несколько иностранок. Подняли архивы. Оказалось, что за последние двенадцать лет бесследно исчезли три француженки, две норвежки, немка, мексиканка и две гражданки США.

– Почему двенадцать лет? – спросил я.

– Раньше остров был закрыт для туристов. Здесь была какая-то засекреченная база.

– Радиолокационная станция, – похвастался я своей осведомленностью, почерпанной у местного алкаша.

Шериф, забыв о скорости и дороге, повернулся и внимательно на меня посмотрел.

– Откуда вам это известно? – спросил он.

– Местные рассказали, – немного смутившись, ответил я.

Мой ответ не удовлетворил Карлсона. Многозначительно промолчав, он вернулся глазами к дороге. Благо на этом участке шоссе оказалась ровная как взлетная полоса.

– Да, – согласился со мной Митч. – Остров открыли для туристов. Вам американцам из большого города не понять, какого это полвека жить на острие боевого клинка. Весь остров пронизан духом холодной войны. Относиться с подозрением к любому, это привычка. Я их понимаю.

Я усмехнулся. «Откуда им знать, как жилось нам, по ту сторону железного занавеса». Вслух же сказал:

– А какое отношение имеет одно к другому?

– Главная версия. Сопоставив подданство пропавших и место их исчезновения мы предположили, кто-то из местных переусердствует в борьбе со шпионами. Помешанный маньяк. Теперь ты понимаешь, что означает твоя находка?

Я кивнул.

– Это означает, что как минимум последняя жертва не вступала на борт обратного транспорта.

– Бинго, – обрадовался Митч.

Карлсон недовольно хмыкнул.

– Это ничего не означает. Еще надо проверить, что вам на самом деле привиделось. Настала моя очередь игнорировать ворчливого полицейского:

– А муж?

– Что? – не понял моего вопроса Митч.

– Муж кореянки. Он написал заявление о пропажи на материке. Они с супругой разве не были вместе?

– Безусловно, – кивнул Батлер. – Под протокол он нес какую-то чушь. Первый и единственный допрос проводили в участке, где приняли заявления. Кореец, Виен Юонг, так, кажется, его зовут, на следующий день после подачи заявления, отбыл на родину. Я думаю, это адвокаты его науськали.

– Странно, – задумался я. – Я бы, как любой нормальный мужчина, носом землю копал ...

– Ха-ха-ха! – засмеялся шериф. – Классное выражение, «носом копать землю». Надо запомнить.

– Это очередная странность дела. Он клянется, что она была в самолете, и летела с ним из Гандера, Ньюфаундленд на материк. Спихватился только в аэропорту Оттавы. Оставил ее с остальными из туристической группы. Пошел за багажом. Вернулся – ее нет. В общем, показания путанные. Он первый подозреваемый. По статистике восемьдесят два процентов убийства жен совершены либо непосредственно мужьями, либо по их заказу.

– С чего вы взяли, что она мертва? – встрял шериф. – Валяется с любовником где-то на песочке Мексиканского залива ...

– Камеры. Я лично просмотрел сотни часов видео с причала в Порт Эльберте и аэровокзалов Гандера и Оттавы. Ее там нет.

Впереди замаячил знакомый съезд на грунтовую дорогу.

– Здесь, шериф, – чуть не закричал я в ухо полицейского. – Вот это дорога. По ней до конца. Пока не упремся в ...

– Я понял, – обрубил Карлсон, и мне стало не по себе от фонтана несдержанных эмоций.

– А по остальным жертвам? – спросил я через минуту неловкого молчания.

– Практически, то же самое. Свидетели утверждают, пропавшие поднялись на борт парома. Заявление об исчезновении поступали в основном от родственников. Два от туроператоров. Не вернулись домой или в гостиницу. Дела спускали на тормозах. Только брат американки, мисс Вирджинии Симпсон, некий Эдмунд Симпсон, завалил письмами и визитами Ньюфаундлендскую полицию. Отписались тем, что по всей вероятности упала за борт парома. В день исчезновения была сильная качка.

Я недовольно хмыкнул. Все-таки полицейские власти везде одинаковые. Лишь бы не работать. Митч заметил мой сарказм.

– Разброс по времени слишком большой. И заявления направлялись в разные управления. Если бы не Корейское Посольство, и в этот раз ничего бы не всплыло.

– И правильно, – пробубнил шериф, – нечего попусту время тратить.

– Вот на этом подъеме остановитесь, – попросил я. – Кажется, здесь.

Машина остановилась. Я выпрыгнул и сходу направился к знакомому валуну.

– Стой! – приказал шериф. – Не так быстро.

Он открыл багажник, достал помповое ружье и не спеша начал загонять в него один за другим цилиндры патронов. Митч тоже извлек из-под пиджака пистолет, кажется, это был Глог 17. Я узнал его по угловатым формам. Точно такой же был у моего отца, в России. На летних каникулах мы частенько стреляли из него. Мне это не нравилось. Я всегда считал, что главное оружие это ум, но отец настаивал. «Настоящий мужик обязан любить оружие», – говорил он, заставляя меня разбирать и собирать его коллекцию пистолетов и ружей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.